

ГРАНИ КЕЙ-КАВУСА

Кей-Кавусу, иранскому прозаику XI века

*Чрез груду лет,
сквозь ткань веков вторгаясь,
На лёгкий стол творца
легла «Кабус-наме».*

*Не ведал я, что проза золотая
Средневековых лет
приглянется и мне.*

*Я не чета всем тем,
кто восхищался,
Страницами шурша
задолго до того,
Как веер книги
трепетно вращался
Меж рук у Гессе, Рильке
и Виктор Гюго.*

«Кабус-наме» легла настольной гранью
Прег очи Гёте, Киплинга и Низами.
Заветный том в слезах читала Даньё.
Его листали Чайкин, Марр и Хакани.

Но в бархате

хранил ту книгу Байрон.

Не выпускал из рук её

гарем венер.

В Стамбуле, в ларчике Витайрон,

Искал сей спорный труд

француз Аполлинер.

Теперь вот я —

поэт, славянский парень,

Смотрю на строки

прозы Кей-Кавуса.

Так пусть она

сквозь занавес окраин

Хранит меня —

потомка гревних русов.

ПОКЛОННИК ЗОРОАСТРА

Абу Али Абдулло Рудаки,
персидскому поэту X века

Твой светлый лик

и борода окладом

Да острый взгляд,

пронзавший всё вокруг,

Я помню ныне,

будто снова рядом

Читаешь ты

стихи мне, старший друг.

Меня ты обучил

стиха размерам.

Сам сочинил стихов
тетрадей сто.
В них миллион
и триста тысяч меры.
До нас дошли
лишь только сотни строк.

Ты был тогда
поклонник Зороастра,
За что изгнал эмир из Бухары,
Отнял твои несметные богатства
И собственно несметные дары.

Поэт и гений
царского величья,
Не знавший равных
в славе и мечте,
Ты по приказу
сослан в приграничье
И там скончался —
стар и в нищете.

Сверх тыщи лет
с тех пор, мой груг, минуло.
И, всем законам жизни вопреки,
Поэт придворный, Абу Али Абдулло,
Во снах приходишь
гругом Рудаки.

ВРЕМЯ АВИЦЕННЫ

Ибн Сине, учёному и врачу,
философу и поэту XI века

Была луна.
Обнявшись,
мы с тобой стояли рядом
подростками у древней Бухары.

Цвела айва.

Десятый век

*шагал с прищуром взгляда —
и мы искали звёздные миры.*

Прошли века.

Я вновь у Самарканда.

*Льётся градом
пот памяти недремлющей жары.*

Ищу пути,

что прежде к Бухаре вели.

И рад я:

мы встретимся, как в детстве, у айвы.

Цветёт айва.

Но в сакле —

*твой портрет эпохой схвачен.
Да сундучок врача — он мне привет.*

Опять луна. Плеяды звездопада.

И ты вокруг, как память старых лет.

Двадцатый век

*штурмует Космос градом:
БАМ, спутник, целина, балет!*

Но новый век...

А сундучок врача — повсюду рядом,

*твой сундучок,
гружище давних лет.*

Нашёл пути. С тобой я, Авиценна.

И знаю:

*на Земле, под небом синим,
жизнь — память Времени — бесценна!*

Храни меня,

мой гревний груг Ибн Сина.